

МАТЬ И МАМА: ИСТОРИЯ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Т.М. Григорьева

Ключевые слова: мать, мама, лексический приоритет, словари, художественные и мемуарные тексты, вытеснение

Keywords: mother, lexical priority, dictionaries, literary and memoir texts, displacement

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)1-06](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)1-06)

Введение

Известно, что лексическая единица *мать* (др.-русск. и ст.-слав. *мати*) встречается уже в первых древнерусских памятниках XI в. Это общеславянское слово индоевропейского происхождения этимологически (как и связанное с ним слово *мама*), по данным Словаря М. Фасмера, восходит к слову **mā-* из детской речи.

Цель данной статьи — проследить сосуществование лексических единиц *мать* — *мама*, имеющих один референт, но разное словообразовательное гнездо и разную активность в употреблении на разных этапах истории русского литературного языка вне ситуации обращения.

Краткая история вопроса

Термин «приоритетный нормативный лексический вариант» впервые употреблен в исследовании А.Н. Сицыной-Кудрявцевой, где автор выявляет в паре слов-аналогов «иностранное / русское» определяемый временем предпочтительный вариант и указывает лингвистические и экстралингвистические причины предпочтения [Сицына-Кудрявцева, 2021]. Однако рассуждения по поводу сосуществования слов-аналогов встречаются в литературе уже во второй половине XVIII в. [Сумароков, 1787; Татищев, 1887], во второй половине XIX в. [Грот, 1899] и в разные периоды века XX [Виноградов, 1982; Костомаров, 1999; Крысин, 2008 и др.].

Материал и методы исследования

Исследование проведено методом целенаправленного наблюдения и описания. Выполнено на материале разных в жанровом отношении текстов: Псалтирь, Евангелие; словари, представляющие разные периоды истории русского литературного языка (Словарь Академии Российской, Словарь языка Пушкина, Словарь Даля, МАС), мемуарные и художественные тексты разных авторов и времен.

Результаты исследования

В наиболее древнем из исследуемых текстов Псалтири (пер. П. А. Юргенова) встречается только слово *мать* и его падежные формы: Ты извлек меня из чрева ... от сосцов *матери* моей (Пс. 21); ...ибо отец мой и *мать* моя оставили меня (Пс. 26); Ты создал внутренности мои, воспринял меня от чрева *матери* моей (Пс. 138) и др. (Псалтирь. 2021).

В переводах текстов Евангелия употреблены лексические единицы *мать/матерь*: ...и увидели Младенца с Марию, *Матерью Его* (Мтф. 2.11); ...встань, возьми Младенца и *Матерь Его* (Мтф. 2.14); ...не *Его* ли *Мать* называется Мария (Мтф. 13.55); И сказал Ему: вот *Матерь* Твоя и братья Твои... (Мрк. 3.32); ...выслав всех, берет с Собою отца и *мать* девицы ... (Мрк. 5.40); Она вышла, спросила у *матери* своей... (Мрк. 6.24); ... а девица отдала *матери* своей (Мрк. 5.28); ...Иосиф же и *Матерь Его*... (Лук.2.33); ...и сказал Марии, *Матери Его* ... (Лук. 2.34); ...и пришли к Нему братья и *Матерь Его* ... (Лук. 8.19); ... *Матерь* моя и братья Мои суть слушающие слово Божье и исполняющие его... (Лук. 8.21); ...*мать* против дочери и дочь против *матери*... (Лук. 12.53); ...то были... и *Мария, мать Иакова*... (Лук. 24.10); ...и *Матерь* Иисуса была там (Иоан. 2.1); И как не доставало вина, то *Матерь* Иисуса говорит ему... (Иоан. 2.3); ...пришел Он в Капернаум Сам и *Матерь Его* (Иоан. 2.12); ...не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и *Мать мы знаем?* (Иоан. 6.42); При кресте Иисуса стояли *Матерь* Его и сестра *Матери Его*... (Иоан. 19.25); Иисус, увидев *Матерь* и ученика... говорит *Матери Своей*... (Иоан. 19.26); ...потом говорит ученику: се *Матерь Твоя!* (Иоан. 19.27) (Книги Нового Завета. 1990).

Проследим, какое место занимают лексические единицы *мать* и *мама* в период формирования русского литературного языка на национальной основе, т.е. во II половине XVIII в. и последующие периоды его истории.

В «Словаре Академии Российской» нет словарной статьи, посвященной лексеме *мама*, и лексические единицы *матерь* и *мать* определяют тождественно как «женщина, имеющая или имевшая детей» с примерами: Чти отца своего и *матерь* свою (Марк VII.10); *Мать* должна пещись о нравственности своих детей; Праздность есть *мать* всех пороков. Кроме того — *Мать крестная. Мать посажёная* (Словарь Академии Российской. 1795).

Какое место занимают оба слова в языковом пространстве русского языка пушкинской эпохи? Ответом на этот вопрос может послужить «Словарь языка Пушкина», где указан единственный случай употребления слова *мама* в незавершенном произведении автора: «Няня

меня выносит, говоря “мама хочет бай-бай”» (Словарь языка Пушкина. 1956–1961).

Во всех остальных случаях (их 195) лексическая единица *мать* представлена в разных падежных формах и с разными значениями.

Во-первых, и прежде всего — это женщина по отношению к детям: «Она ласкаться не умела / К отцу, ни к *матери* своей»; «Зинаида Вольская лишилась *матери* на шестом году от рождения»; «Дети больных *матерей* чахли и умирали»; «Ты молода, но ты уже *мать* семейства».

Здесь же находим примеры переносного употребления этого слова: а) Утешься, *мать* градов России, Воззри на гибель пришлеца (о Москве) и б) Русской человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свињью, идет в баню, которая *наша вторая мать*. Помимо этого, лексическая единица *мать* употребляется как **народно-поэтический эпитет**: «Дай бог душе его спасенье, А косточкам его покой / В могиле, в *мать-земле сырой!*»; «Как промолвит грозен Стенька Разин: “Ой ты гой еси, Волга, *мать родная!* С глупых лет меня ты воспоила”».

Нельзя не отметить и такое значение, как **фамильярное обращение к женщине**: «Лизавета Ивановна вошла в капоте и в шляпке.

— Наконец, *мать моя!* — сказала графиня.

— Помилуй, *мать моя!*».

Следующие значения — это 1) **настоятельница монастыря, монахиня** («Девушка, отпросясь у *матери* честной, / С усердным Луцио к вельможе поспешила») и 2) **эвфемистически измененное непристойное выражение**: «Ольдекоп, *мать* его в рифму; надоел! плюнем на него и квиты».

При этом нельзя не заметить, что данные «Словаря языка Пушкина» нельзя считать абсолютно исчерпывающими: примерно в это же время лексическая единица *мама* не была чужда живой речи. Свидетельством этому могут служить воспоминания князя И.М. Долгорукова «Повесть о рождении моем...» (1818): «*Мамы* не прикармливали пряниками тихонько...»; «Сенат напрасно на ту минуту вообразил, будто он моя *мама*»; «Со мною едет сердобольная наша *мама*...»; «В июне скончалась *мама* моя...»; «Добродушная *мама* госпожа Варч... орошала его искреннейшими слезами». Однако и здесь *мать* является доминирующей единицей: «*Мать* моя благословила их и со слезами отпустила»; «*мать* и сестра ... радовались всем сердцем»; «...вспоминая *мать* свою, будете укорять отца»; «*мать* троих детей, опытную в хозяйстве»; «Августейшая *мать* его не полагала меры слезам» и многие другие.

Толковый словарь В.И. Даля включает обе единицы, однако преобладающей является слово *мать*.

Словарная статья *мать* — это около двух страниц текста, включающего варианты (*кормилица; женищина, кормящая грудью не свое дитя; старшая няня, род надзирательницы при малых детях*) и множество пословиц, поговорок, загадок, включающих именно эту лексему: «Бог до людей, что *мать* до детей (добра)»; «Как вырастешь с *мать*, все будешь знать»; «Полно, *мать*, врать, дай жене-барыне сказать (говорит сыну)»; «На что и *мать*, когда нечего дать»; «*Мать* хлопотунья, дочь хвастунья, сын замотай (лопата, метла, цеп)»; «Волга всем рекам *мать*»; «*Мать* толста, дочь красна, сын замотай (печь, огонь, дым)» и другие.

Словарная статья *мама*, занимая лишь 18 строк, включает те же варианты и несколько пословиц: «Уродила *мама*, что не принимает и яма!», «Искал дед *маму*, да и попал в яму» и немногочисленные другие.

Обратимся к материалам художественных текстов II половины XIX в.

В романе И.С. Тургенева «Рудин» (1852), например, встречается *мать* во всех речевых регистрах: в повествовании (*Мать* его баловала, но скоро умерла...; *Мать* ее считала добронравной...; редкая *мать* понимает дочь свою...) и в диалоге:

«— Кто же это такая? — *Мать* моя, — произнес Пигасов. — Ваша *мать*?» И еще 14 примеров.

Русский писатель и общественный деятель II половины XIX в. С.Т. Аксаков в своем мемуарном повествовании «История моего знакомства с Гоголем» (1856) также предпочитает лексему *мать*: «*Мать* Гоголя должна была весною приехать...»; «Перед святой неделей приехала *мать*»; «Гоголь был у нас всякий день ... обедал ... с своей *матерью* и сестрами»; «*Мать* Гоголя уехала из Москвы прежде». И еще 28 примеров. В его мемуарном повествовании «Воспоминания. Гимназия. Первый период» (1856) — тоже только *мать*: более 100 словоупотреблений. У М.Е. Салтыкова-Щедрина в «Губернских очерках» (1856–1857) встречается только *мать*: более 50 словоупотреблений. У Л.Н. Толстого в мемуарном повествовании «Юность» (1857) — более 40 употреблений лексемы *мать*. Ф.М. Достоевский в повести «Дядюшкин сон» (1858–1859) предпочитает только *мать*: более 50 словоупотреблений. Хотя нельзя не отметить, что в языке названных писателей XIX в. встречается изредка и словоупотребление *мама*.

Любопытный случай являет собой мемуарное повествование С.М. Волконского. Он внук декабриста, камергер и директор Императорских театров, критик, создатель актерской школы, эмигрировавший после 1917 г. В книге «Воспоминания» (Князь Сергей Волконский. Мои воспоминания. Т. 1. 1923) представляет жизнь русской эмиграции, где

слово *мама* употреблено им только в двух обращениях: «*Мама*, заставим неаполитанцев петь... Ах, *мама*, при чем тут час или время года!». Слово же *мать* является абсолютно преобладающим: «Вареньки занимались живописью, в то время как *мать* давала уроки музыки»; «*Мать* и сын всегда ссорились и вместе с тем не могли обойтись друг без друга...» и др. (Т. I. Часть Первая. «Лавры»).

В воспоминаниях о своей семье (Князь С.Н. Волконский. Родина. Т. II. Ч. 3. Гл. 1–7. «Фаль». «Павловка». «Гимназия и университет», «Единомышленники», «Из чиновничьего прошлого», «Свобода вероисповедания», «Княгиня») автор мемуаров использует единственное слово *мама* в обращении к своей матери и многочисленные лексемы *мать* с ее падежными формами: *мать* рассказывала, вспомнил и мою *мать*, а *мать* мне сказала, *мать* с цесаревной сели..., *мать* вынула у меня из кармана носовой платок, *мать* сказала, когда-то моя *мать* привезла, *мать* моя тут же их посадила, моя *мать* не прекращала сажать, но как было трудно моей *матери* начинать, борьба с пустыней была деятельностью моей *матери*; мы, старшие, с *матерью* верхом; первой учительницей была её основательница, моя *мать*; моя *мать* прибавляет..., *мать* же моя дышала чистым воздухом незатемненной логики и свободной личности, как думала и чувствовала *мать*, под руководством моей *матери* читали вместе Данте, моя *мать*, прощаясь с ним, сказала; моя *мать*, очень ценившая его, называла его..., он был близок моей *матери*, наша *мать* писала, моя *мать* написала две книги по церковным вопросам, во второй книге моей *матери*, нравственное страдание *матери*, для моей *матери*, удовлетворяла духовным стремлениям моей *матери*, моя *мать* была католичка, вокруг смерти моей *матери*, моя *мать* ставила его в число самых выдающихся людей, после смерти моей *матери*, вокруг смерти *матери*, *мать* моя овладела этими языками, моя *мать* ввела в эту область свою ... терминологию и многие др.

Общая картина процесса была бы неполной без А.П. Чехова. Его письма представляют своеобразную картину использования этих словарных единиц. Так, в письмах родным братьям можно отметить единственный случай словоупотребления *мама* («*Мама* хотела прислать тебе телеграмму, чтоб раньше выехал»), а в остальных случаях — только лексема *мать*: «*Мать* клянет нас за безденежье...»; «*Мать* еще бойка и не так тяжела, как тетка»; «*Мать* и Марья живы и здравствуют»; «*Мать* слаба, ты выпивоха, жарко...»; «*Мать* и Марью пришлось переправлять...». В письмах другим адресатам предпочтительной становится лексема *мать*, хотя не исключается абсолютно слово *мама*: «Кланяются вам *мама*, папа, тетя, также и я»; «*Мама*, кажется, не увидит Ива-

на Ивановича»; «*мама* была больна и всё домашнее было на моей обязанности»; «*Мать* и все наши дети ... Вам кланяются»; «*Мать* и тетка умоляют меня жениться на купеческой дочке»; «*Мать*, сестра и братья кланяются вам»; «Сегодня у меня *мать* именинница, я отдыхаю» (Письма А.П. Чехова. Т. 1–6. 2012).

К паре *мать* — *мама* у А.П. Чехова присоединяется лексема *мамаша* как дериват слова *мать*. Это проявляется в письмах двоюродному брату: «продолжай утешать мою *мать*, которая разбита...»; «*Мамаша* на тебя слишком огорчилась...»; «*Мамаша* жива, здорова...»; «*Мамаша* видит в Вас больше, чем племянника...»; «... если я буду присылать письма моей *мамаше* через тебя, то ... отдавай их *мамаше* не при всей компании»; «вот это-то обстоятельство и заставляет меня писать *мамаше* тайно от других»; «...если поедешь в Калугу, то передай почтение твоей *мамаше*, а моей тетушке...» и др. (Письма А.П. Чехова. Т. 1–6. 2012).

Чрезвычайный интерес в контексте рассматриваемой проблемы представляют тексты М. Горького. Прежде всего — это роман «Мать» (1906), своим названием заявляющий о лексическом предпочтении автора относительно сосуществующих лексических единиц *мать* — *мама*. И здесь не только в косвенном употреблении, но и в обращении — *мать*: «Он говорил ей „вы“ и называл „мамаша“, но иногда, вдруг, обращался к ней ласково: — Ты, *мать*, пожалуйста, не беспокойся, я поздно ворочусь домой...»; «Я прошу тебя, *мать*, если ты меня любишь — не мешай мне!»; «Ее потрясло слово „*мать*“, сказанное им с горячей силой...» (М. Горький. Мать. Т. 8. 1970).

Рассказ «Мать изменника» из цикла «Сказки об Италии» (1911–1913) — это повествование о матери сына, который возглавил отряд разрушителей родного города. И здесь, во всем небольшом повествовании, — только лексема *мать*: во-первых, в монологе сына: «*Мать* — творит, *Мать* — всегда против смерти»; «*Мать* — зверь столь же умный, безжалостный, как и бесстрашный... *Мать* творит и охраняет...». Во-вторых, в его обращении: «*Мать!* — говорил он, целуя ее руки...»; «О да, я помню о них, *мать!* (о людях города)». В-третьих, *мать* звучит как самоназывание и **в тексте** («Я — *мать*, я его люблю и считаю себя виновной в том, что он таков, каким стал»), и **в заключительных строках** рассказа: «— Человек — я сделала для родины всё, что могла»; «*Мать* — я остаюсь со своим сыном!» (М. Горький. Мать изменника. Полное собрание сочинений. Т. 12. 1971).

Похоже, что Горький отразил семейный этикет и этикет своего времени, что подтверждается репликами его сына Максима в воспомина-

ниях В. Ходасевича «Белый коридор»: «...*мать* меня зовет в Россию, а Алексей не пускает (он всегда звал отца по имени)»; «*мать* говорит, что Феликс Эдмундович мне предлагает место»; «теперь *мать* говорит, что он обещает мне автомобиль в полное распоряжение».

В речевом репертуаре Н. Берберовой, отраженном в истории ее жизни «Курсив мой», — только принципиальное *мать*: «...бабушка, *мать* моей матери, видимо, сделала небольшой мезальянс»; «Все трое — отец, *мать* и я — жили в одной комнате»; «...*мать* сидит прямая и строгая»; «Мою *мать* я любила — и не любила»; «*Мать* моя не умела и не хотела этого сделать»; «*мать* Григоровича была сестрой Камиллы»; «*Мать* На-таши была учительницей в школе» (Н.Н. Берберова. Курсив мой. 2011) и др. Более того, здесь же высказывается оценка слова *мама*, употребленного вне ситуации обращения: «Все эти бледные, немые мальчишки, забинтованные, укрытые одеяльцами, лежали закутанные, полуживые, в то время как щекастые куклы-девочки, расфуфыренные, в желтых париках, говорили *мама-папа* и совершенно не занимали меня». *Мама* в картине мира Н. Берберовой — своего рода дурной тон, проявление в какой-то степени известного с пушкинских времен синдрома «московской кухни».

Стоит обратить внимание на воспоминания Л.Л. Касаткина, главного научного сотрудника ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, «История одной семьи» (Л.Л. Касаткин. История одной семьи. № 3. 2016. С. 3-8), где слово *мать* является безусловно доминирующим — более 40 употреблений: «Меня не на кого было оставлять дома, и *мать* часто брала меня с собой на работу. Когда я подросток, *мать* стала меня учить игре на пианино. Отец писал мою *мать*, меня...». Наряду с этим 15 употреблений слова *мама*: «Однажды *мама* взяла меня с собой...; зимой приехала *мама* поездом в Петербург» и др.

Оба слова содержатся в «Воспоминаниях» Д.С. Лихачева (М., 2019): единственное слово *мама* (*мама* с куоккальскими дамами сидит на скамейке...) и два случая употребления лексемы *мать*: «...*мать* собрала вещи (мыло, белье...)...»; «На лето ко мне приехали *мать* и брат» (Д.С. Лихачев. Воспоминания. 2019).

Следует обратить внимание на повесть «Своя правда» В. Токаревой. Очевидно, что автор следует традиции словоупотребления XIX столетия, поскольку использует в тексте только *мать*: «Ирина любила постоянно орущую *мать*»; «*Мать* рассказывала соседям...»; «Ты своего сына отдай *матери*»; «Он везде ходил следом за *матерью*»; «Его *мать*, актриса ведущего бакинского театра...»; «...выбрать подругу жизни, *мать* будущих детей»; «Она поехала к *матери* — посоветоваться»; «*Мать* жила

в поселке, под Баку»; «И не думай, — жестко отбрила *мать*» (В. Токарева. Своя правда. 2002) и еще около 40 словоупотреблений.

Что покажут тексты XXI столетия?

В рассказе современного писателя Андрея Геласимова «Нежный возраст» (2001) — только *мама*: «*Мама* кричала как сумасшедшая»; «... *мама* ее куда-нибудь зашвырнула»; «... на *маму* так разозлился»; «*Мама* говорит, что я достал ее...»; «...они с *мамой* будут жить по отдельности?»; «...у тебя могла быть совсем другая *мама*»; «...у меня *маму* зовут Лена»; «*Мама* два раза не ночевала дома» и др. То же и так же в его рассказе «Жанна» (2001) — более 20 словоупотреблений. Язык одного из представителей «лейтенантской прозы» Василя Быкова (повесть «Болото», 2001) находится в русле тенденции. В его речевом репертуаре тоже лексема *мама*: «Так *маму* нельзя оставить. Батька сказал, чтоб помогал *маме*. *Мама* с утра пошла косить сено. Костя любил брата, больше, чем *маму*. *Мама*, однако, слушала плохо...»; «... наверно, повеселела бы и *мама*» (В. Быков. Болото. 2001) и др.

Исследуя сосуществование лексических единиц *мать* — *мама*, нельзя не обратить внимание на мемориальное повествование Сати Спиваковой «Не всё» (2002), где автор употребляет обе единицы дифференцированно по принципу «свой — чужой». О своей родительнице — только *мама*: «мое детство, как и вся жизнь, — это *мама*»; «наверное, сложнее всего писать о *маме*»; «*мама* всегда была необыкновенно красива»; «*мама* — удивительно цельный человек»; «*мама* ... первая в Армении села за клавиш»; «теперь *мама* каждый вечер часами раскладывает ... пасьянс». При этом о посторонних — *мать*: «тетка-регистраторша в ЗАГСе решила, что одна *мама* — моя (мы очень похожи), а Валентина — *мать* Спивакова»; «...*мать* и дочь ушли с ними как пленные»; «Он вынужден везде ездить с кем-то — близким другом, братом или *матерью*».

В контексте исследуемой проблемы стоит обратить внимание на передачу о православном воспитании «Пайдейя» на радио «Вера». Непременной участницей передачи всегда становится многодетная *мама*, «*мама* восьми (семи, шести...) детей... Не *мать*. Многие священнослужители нашего времени, представляя в проповеди жизненный путь святого праведника, говорят о его *маме*, не *матери*, хотя — *Мать Пресвятая Богородица*».

Заключение

Приведенный материал позволяет заключить, что энергично развивающийся процесс вытеснения из коммуникативного пространства

русского языка лексемы *мать* с ее заменой на *мама* в XXI столетии активизировался в полной мере. Выражения *моя мать, ваша мать, твоя мать, я мать, ты мать, она мать* ... хотя и не абсолютно, но практически вытесняются в сфере несемейного общения (не в прямом обращении) сочетаниями *моя мама, ваша мама, твоя мама, я мама, ты мама, она мама*. Исконное как *мать родила* часто трансформируется в *как мама родила*. Не является исключением такая сфера функционирования русского языка, как кроссворды, где в качестве заданий предлагаются такие: *мама ягненка, мама козленка*, хотя в известной сказке изначально «*ваша мать пришла, молока принесла*».

Одной из вероятных причин экстралингвистического характера этого процесса можно считать расширение пределов употребления нецензурного слова вообще и с компонентом *мать* во многих сферах современной речи (в радио- и телепередачах, в сценической речи, в речи с экрана) и в разных социальных группах носителей русского языка: школьники, студенты, интеллигенты, рабочие. Однако, несмотря на активный процесс вытеснения словарной единицы *мать* из речевого пространства XXI в., она остается и останется незыблемой в тех сочетаниях русского языка, где выступает как знак культурного кода: *Мать-земля, Мать-природа, Богиня-мать, Мать Пресвятая Богородица, Богоданная мать* (теща зятю или свекровь невестке). Или же как одно из ключевых слов в определенной сфере деятельности: *материнские* клетки в биологии, *материнские* предприятия в бизнесе, *маточный* раствор в химии, *маточное* молочко в пчеловодстве, *материнская* плата и др.

Библиографический список

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVI–XIX веков. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

Грот Я.К. Слова, взятые с польского или чрез посредство польского // Филологические разыскания Я. Грота. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1899. С. 464–467.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.

Крысин Л.П. «Свое» и «чужое»: о некоторых иноязычно-русских лексических параллелях // Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. С. 18–35.

Сицына-Кудрявцева А.Н. Приоритетный нормативный лексический вариант в паре слов-аналогов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 5. С. 1491–1496. <https://www.doi.org/https://doi.org/10.30853/phil210216>

Сумароков А.П. О истреблении чужих слов из Русского языка // Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе: в 12-ти ч. М.: Типография Н. Новикова, 1787. Ч. IX. С. 244–247.

Татищев В.Н. Разговор о пользе наук и училищ / предисл. и указатели Н. Попова. М.: Университетская типография, 1887. 171 с/.

Список источников

- Берберова Н.Н. Курсив мой. Автобиография. М.: АСТ, 2011.
- Быков В. Болото // Дружба народов. 2001. № 7.
- Геласимов А. Нежный возраст // Октябрь. № 12. 2001.
- Горький М. Мать. Полное собрание сочинений. Т. 8. М.: Наука, 1970.
- Горький М. Мать изменника / Полное собрание сочинений. Сказки об Италии. Т. 12. М.: Наука, 1971.
- Касаткин Л.Л. История одной семьи // Новый мир. № 3. 2016.
- Книги Нового Завета // Библия. Книги священного писания... В русском переводе и с параллельными местами. М., 1990.
- Князь Сергей Волконский. Мои воспоминания. Т. 1. Лавры. Странствия. Берлин: Издательство «Медный всадник», 1923.
- Князь С.М. Волконский. Родина. Воспоминания / под ред. Л.М. Суриса. Т. II. Ч. 3. Гл. 1–7. Электронный ресурс http://az.lib.ru/w/wolkonskij_s_m/text_1923_moi_vospominania-3.shtml
- Лихачев Д.С. Воспоминания. М.: АСТ, 2019. 544 с.
- Радио «Вера». «Пайдейя». Электронный ресурс <https://radiovera.ru/category/podcast/paideiya>
- Письма А.П. Чехова: Т. 1–6. (1876–1887). М.: Изд-во М.П. Чеховой, 1912.
- Псалтырь: пер. с греч. П. Юргенова (1915). М.: Сиб. благозвонница, 2021. 239 с.
- Словарь Академии Российской. Часть IV. Отъ М до Р. СПб.: При Императорской Академии Наукъ, 1773. Электронный ресурс https://etymolog.ruslang.ru/doc/SAR4_M-R.pdf
- Словарь языка Пушкина: в 4 т. М., 1956–1961.
- Спивакова Сати. Не всё. Электронный ресурс <https://litlife.club/books/41390/read>
- Токарева В. Своя правда. Электронный ресурс <https://litfond.net/b/20590>

References

Vinogradov V.V. Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th-19th Centuries: A Textbook, Moscow, 1982, 528 p. (In Russian).

Grot Ya.K. Words Taken from Polish or Through Polish. *Filologicheskiye razyskaniya YA. Grota* = Ya. Grot's Philological Research, 4th ed. St. Petersburg, 1899, pp. 464–467. (In Russian).

Kostomarov V.G. The Language Taste of the Era: Observations on the Speech Practice of the Mass Media, St. Petersburg, 1999, 320 p. (In Russian).

Krysin L. P. "My Own" and "Alien": On Some Foreign-Russian Lexical Parallels. *Krysin L.P. Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh: ocherki o russkoy leksike i lek-sikografii* = Krysin L.P. Word in Modern Texts and Dictionaries: Essays on Russian Lexicology and Lexicography, Moscow, 2008, pp. 18–35. (In Russian).

Sitsyna-Kudryavtseva A.N. The Priority Normative Lexical Variant in a Pair of Similar Words. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences, 2021, vol. 14, iss. 5, pp. 1491–1496. (In Russian).

Sumarokov A.P. On the Extermination of Foreign Words from the Russian Language. *Sumarokov A. P. Polnoye sobraniye vseh sochineniy, v stikhakh i proze* = Sumarokov A. P. Complete Collection of All Writings, in Verse and Prose: in 12 parts, Moscow, pp. 244–247. (In Russian).

Tatishchev V.N. A Conversation on the Benefits of Science and Schools, Moscow, 1887, 171 p. (In Russian).

List of Sources

Berberova N.N. Italics mine. Autobiography, Moscow, 2011, 768 p. (In Russian).

Books of the New Testament, The Bible. Books of Holy Scripture... In Russian Translation and with Parallel Passages, Moscow, 1990. (In Russian).

Books of the New Testament. *Bible. Books of the Holy Scriptures...* In Russian translation and with parallel passages, Moscow, 1990, pp. 1–100. (In Russian).

Bykov V. The Swamp. *Druzhba narodov*, 2001. no.7. (In Russian).

Dictionary of the Pushkin Language: in 4 vols, Moscow, 1956–1961. (In Russian).

Dictionary of the Russian Academy of Sciences, part IV, From M to R. St. Petersburg, 1973. Retrieved from: https://etymolog.ruslang.ru/doc/SAR4_M-R.pdf (In Russian).

Gelasimov A. Tender Age. *Oktyabr'*, no. 12, 2001. (In Russian)

Gor'kiy M. Mother of a Traitor. *Polnoye sobraniye sochineniy* = Complete Works, Tales of Italy, vol. 12, Moscow, 1971. (In Russian).

Gor'kiy M. Mother. *Polnoye sobraniye sochineniy* = Complete Works, vol. 8, Moscow, 1970. (In Russian)

Kasatkin L.L. The History of One Family. *Novy Mir*, no. 3, 2016. (In Russian).

Letters of A. P. Chekhov, vol. 1–6. (1876–1887), Moscow, 1912. (In Russian).

Likhachev D.S. Memories, Moscow, 544 p. (In Russian).

Prince S. M. Volkonsky. Homeland. Memories, vol. II, part 3. Chapters 1–7. Retrieved from: http://az.lib.ru/w/wolkonskij_s_m/text_1923_moyi_vospominania-3.shtml (In Russian).

Prince Sergei Volkonsky. My Memories, vol. 1, Berlin, 1923. (In Russian).

Psalter: translated from Greek by P. Yurgenov (1915), Moscow, 2021. 239 p. (In Russian).

Radio Vera. *Paideia*. Retrieved from: <https://radiovera.ru/category/podcast/paideiya> (In Russian).

Spivakova Sati. Not All. Retrieved from: <https://litlife.club/books/41390/read> (In Russian).

Tokareva V. My Truth. Retrieved from: <https://litfond.net/b/20590> (In Russian).